

Федерация в Камеруне: тезис, антитезис, синтез*

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ.

Как и в некоторых иных африканских случаях, семена недолговечной камерунской федерации, просуществовавшей с 1961-го по 1972 год, были посеяны еще в колониальные времена. Земли, на которых ныне располагается Республика Камерун, оказались одним из немногих кусочков африканской территории, где во второй половине XIX века удалось закрепиться «второму рейху». Несмотря на то, что архитекторы германской колониальной империи – в частности, глава «Общества германской колонизации» Карл Петерс – страдали чем-то вроде мегаломании, представляя себе под сенью Берлина грандиозное владение, простирающееся от Замбези до Нила, досталось им не так уж и много. Продвигаясь с конца 1860-х вдоль русла реки Вури, немцы за пятнадцать лет обосновались в этих местах достаточно прочно, и Берлинская конференция, проходившая в 1884–1885 годах, подтвердила наличие у них колонии Камерун¹. Три десятилетия немецкого правления запомнились в основном широчайшим использованием подневольного труда чернокожих на каучуковых, какао-вых и банановых плантациях, принадлежавших немецким концессиям. Немцы настолько злоупотребляли этим квазирабством, что даже иные колониальные державы вынуждены были порицать их за подобную экономическую политику. При этом поборники германского империализма оправдывались тем, что племена дуала, с которыми они в основном взаимодействовали на побережье залива Камерун, представляют собой «злейших дикарей на планете»².

Кстати, на рубеже 1870–1880-х вожди дуала неоднократно предлагали свои земли Великобритании, заявляя о своей готовности подчиниться английскому праву и британской короне; более того, у них были для этого серьезные основания, поскольку вплоть до начала 1870-х именно британцы доминировали в импортной и экспортной торговле на камерунском побережье. Однако все эти обращения – последнее поступило в 1882-м, за два года до немецкой аннексии, – оставались без внимания со

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00123).

1 О линии, которая оттаивалась Германской империей на Берлинской конференции, включая ее притязания на Камерун, см.: Фергюсон Н. *Империя. Чем современный мир обязан Британии*. М.: АСТ; CORPUS, 2014. С. 320–328.

2 См.: JAMES L. *Empires in the Sun: The Struggle for the Mastery of Africa*. London: Weidenfeld & Nicolson, 2017. P. 113. Дуала, относящиеся к языковой семье банту, в настоящее время составляют 11% населения Камеруна.

стороны Лондона; согласно объяснению, которое местные вожди позже представили обиженному британскому консулу, им пришлось перейти под покровительство германского кайзера только потому, что англичане пренебрегли их просьбами³. Иначе говоря, в Вестминстере просмотрели немецкую опасность, поскольку главной угрозой своим камерунским амбициям считали экспансионизм Франции. Как подчеркивает историк, «никакой особой причины, заставляющей Камерун стать именно германской колонией, не имелось в наличии – просто немцы сделали ход первыми»⁴. В итоге же англичане смогли вернуться в Камерун, причем лишь в паре с французами, через 35 лет и только после краха германской колониальной империи.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

ВЕРСАЛЬСКОЕ РАЗДВОЕНИЕ

Несмотря на то, что по решению Лиги Наций, принятому в 1922 году, Великобритании достались целых два Камеруна – Южный и Северный, – а Франция обзавелась только одним Камеруном, французская часть и в территориальном, и в демографическом плане заметно превышала английскую. (Так, по численности населения превосходство было пятикратным.) Интересно, что обе метрополии вынуждены были управлять камерунскими владениями, отступая от собственных административных традиций. Французы, которые со времен своей революции всегда делали ставку на централизм, не могли развернуться здесь в полной мере, ибо Французский Камерун имел статус не обычной колонии, а подмандатной территории. Это означало, что он не подлежал интеграции с прочими владениями колониальной империи Парижа и должен был управляться по особому штату. У англичан, напротив, имелась возможность включить свою часть Камеруна в состав соседней Нигерии, поскольку та была колониальной федерацией – структурой, заведомо предполагающей соседство различных административных форм. (Лондон добился этого права в момент утверждения Лигой Наций его камерунского мандата; согласно сделанному для англичан исключению, им разрешалось «управлять своим Камеруном так, как будто бы он был составной частью Нигерии»⁵, распространяя на эту территорию действие

3 См.: *Cameroon // Encyclopædia Britannica*. London, 1911. Vol. 5. P. 112. Подробнее о перипетиях торгового соперничества между Британией и Германией, закончившегося немецкой аннексией Камеруна, см.: FAN-
SO V.G. *Trade and Supremacy on the Cameroon Coast, 1879–1887 //* НЖЕУМА М. (Ed.). *Introduction to the
History of Cameroon: Nineteenth and Twentieth Centuries*. New York: St. Martin's Press, 1989. P. 63–87.

4 QUINN F.E. *Rain Forest Encounters: The Beti Meet the Germans, 1887–1916 //* НЖЕУМА М. (Ed.). *Op. cit.* P. 88.

5 Подробнее об административной системе Британского Камеруна, а также о том, как она способствовала
вызреванию местного национализма, см.: СНИАВИ Е. *British Administration and Nationalism in the Southern
Cameroons, 1914–1954 //* НЖЕУМА М. (Ed.). *Op. cit.* P. 170–202, цит. по: P. 178.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

нигерийского законодательства. При этом за Лондоном сохранялась обязанность предоставлять в Лигу Наций ежегодный отчет о реализации мандатного режима.) Но в силу утвержденной управленческой схемы Британский Камерун мог войти в нигерийское федеративное образование лишь на правах составной части Восточного региона Нигерии, а не в качестве самостоятельного политического субъекта. Это, по словам канадца Фрэнка Старка – одного из лучших специалистов по политической истории рассматриваемой здесь африканской страны, – породило своеобразный парадокс:

«Французы, признанные централисты, вынуждены были децентрализовать свои отношения с Камеруном, в то время как британцы, обычно тяготевшие к децентрализации, напротив, старались интегрировать свой кусок Камеруна в состав соседней колонии. Разница в управленческих подходах обусловила различия социально-экономических процессов, протекавших в двух подмандатных владениях»⁶.

Английские и французские владения будущей Федеративной Республики Камерун в 1920–1950-е⁷.

Прежде всего сказанное касалось экономики: Франция была вынуждена изрядно вкладываться в «свой» Камерун, стоявший в ее империи как бы особняком, а Великобритания, напротив,

6 STARK F. M. *Federalism in Cameroon: The Shadow and the Reality* // Canadian Journal of African Studies. 1976. Vol. 10. № 3. P. 424.

7 Приводится по изданию: КАМÉ В. P. *The Anglophone Crisis in Cameroon*. Paris: L'Harmattan, 2018.

была склонна повесить оба «своих» Камеруна на шею нигерийскому Восточному региону, сводя инвестиции в их благосостояние к минимуму. Отмеченный перепад в развитии, за три десятилетия основательно закрепившийся, напомнил о себе во время перехода Камеруна к независимости. Одним из важнейших его проявлений стало то, что экономику Южного Камеруна прочно взяли под контроль нигерийские игбо, известные своей предприимчивостью; их торговцы, вытеснив камерунских бизнесменов, захватили местные рынки, что, безусловно, сказывалось на политических установках камерунцев, живущих под британским мандатом. Современные исследователи отмечают:

«Доминирующие позиции выходцев из племени игбо в экономической и управленческой системе региона глубоко возмущали местное население, а после Второй мировой войны и вовсе спровоцировали взрывоопасную ситуацию, побудив политических деятелей Южного Камеруна к эксплуатации страхов перед “нигерийской опасностью” в интересах собственной националистической борьбы»⁸.

Учитывая это недовольство, британские власти поэтапно повышали значимость региона в рамках Нигерии: в 1954 году его наделили ограниченным самоуправлением, а в 1958-м он получил полноценный статус территории, состоящей в Нигерийской федерации.

Непохожими оказались и пути культурного развития. Бытование на камерунских землях около 250 языков, которые принадлежат к трем языковым семьям из четырех, присутствующих на континенте, делало Камерун уникальным, даже по африканским меркам⁹. Необходимость общаться друг с другом в ситуации невероятного языкового смешения породила потребность в чем-то вроде *lingua franca*, на роль которого еще до прибытия немцев выдвинулся «пиджин инглиш» (*Pidgin English*), распространившийся не только на вовлеченном в международную торговлю побережье, но и во внутренних районах страны. Отмеченное обстоятельство достойно особого упоминания хотя бы потому, что в настоящее время из 16 миллионов камерунцев к «пиджинофонам» (*pidginophones*) относятся около 6 миллионов. Такое положение вещей непосредственным образом сказалось на судьбах будущего камерунского федерализма: в стране, где «местные языки никогда не играли сколько-нибудь серьез-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

8 KONINGS P., NYAMNJOH F. *Anglophone Secessionist Movements in Cameroon* // VRIES L. DE ET AL. (Eds.). *Secessionism in African Politics: Aspiration, Grievance, Performance, Disenchantment*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 62.

9 Обстоятельный обзор лингвистической ситуации в Камеруне см. в: ANCHIMBE E.A. *Language Policy and Identity Construction: The Dynamics of Cameroon's Multilingualism*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2013; см. также: Блажевич Ю.С., Куксова Е.Л., Рядинская О.П. *Языковая политика в Камеруне в колониальный и постколониальный периоды* // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 120–125.

ной роли в формировании национальной идентичности»¹⁰, эту функцию приняли на себя два бывших колониальных языка – английский и французский, – между которыми надлежало выстроить особые, тщательно выверенные и взвешенные отношения. Забегая вперед, можно сказать, что с этой задачей Федеративная Республика Камерун 1961–1972 годов не справилась.

{ Решение официально принять двуязычие, базирующееся на языках бывших хозяев, сделало Камерун африканской диковиной.

Свой вклад в формирование будущих лингвистических перекосов внесли и ушедшие колониальные державы. Если при немцах «пиджин инглиш» поощрялся из прагматических соображений (несмотря на то, что в некоторых местах официально преподавался немецкий), то французская колониальная администрация, усердно продвигавшая среди местных жителей культуру метрополии, полностью запретила использование этого синтетического наречия на вверенной ей территории. Британские управленцы, напротив, от навязывания культурно-лингвистической ассимиляции воздерживались, а «пиджин инглиш» циркулировал на опекаемых ими землях наряду со «стандартным» английским. Естественно, за два поколения европейского владычества в Камеруне сложились две различные образовательные системы; это в свою очередь заставило борцов за независимость, которые на рубеже 1950–1960-х годов очень опасались отчуждения англофонов или франкофонов, наделять статусом официальных не местные, а именно европейские языки. Как отмечают специалисты, решение официально принять двуязычие, базирующееся на языках бывших хозяев, сделало Камерун африканской диковиной. При этом в 1952 году лишь менее 10% обитателей Французского Камеруна владели языком метрополии, а в Британском Камеруне аналогичная цифра была еще меньше. Даже к 1973 году английский и французский оставались языками сугубо политических, деловых и культурных элит. Иначе говоря, «большинство граждан официально двуязычного государства не владели ни французским, ни английским, а индивиды-билингвы встречались крайне редко»¹¹. Тем не менее опция двуязычия, будучи официально постулируемой, ко многому обязывала новорожденную нацию. Как будет показано ниже, удержаться в рамках строго соблюдаемого дву-

10 См.: BILOA E., ECHU G. *Cameroon: Official Bilingualism in a Multilingual State* // SIMPSON A. (Ed.). *Language and National Identity in Africa*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 202.

11 TORRENT M. *Diplomacy and Nation Building in Africa: Franco-British Relations and Cameroon at the End of Empire*. London: I.B. Tauris, 2012. P. 4.

язычия освободившееся от европейцев государство не сумело, взрастив довольно редкую для Африки разновидность сепаратизма: сепаратизм языковой, лишенный этнической «подкладки» и выступающий фундаментальной основой идентичности владение одним из европейских(!) языков.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

ДРУЖЕСТВЕННОЕ ПОГЛОЩЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Вызревание федеративной идеи в Камеруне имело экономические основания, обозначившиеся еще до независимости. Этнические группы, проживавшие по обе стороны колониальной границы, после Второй мировой войны все настойчивее заявляли, что пограничный режим мешает нормальному товарообмену; по мере становления африканского предпринимательского сообщества из этого неудобства сначала родилось требование таможенного союза, а потом и унификации двух частей бывшего немецкого Камеруна. Усилиями торговцев из племени бамилеке эти пожелания в 1948 году были интегрированы в политическую программу «Союза народов Камеруна» (*Union des Populations du Cameroun – UPC*), первой националистической партии, которая возникла на французской территории, выделившись из профсоюзного движения. Идея приобрела популярность и в британской зоне, но там питавшие ее резоны были иного свойства: политическую элиту Южного Камеруна, которую возглавлял харизматичный Эммануэль Эндели, лидер партии «Камерунский национальный конгресс» (*Kamerun National Congress*) – и, добавим, один из двух жителей этой территории, к тому моменту обладавших университетским дипломом¹², – тяготил слишком жесткий контроль со стороны соседней Нигерии. Более того, на первых порах южнокамерунские нотабли увлеклись довольно опасной игрой; словно не замечая риска поглощения, исходившего от амбициозной франкофонной верхушки, они «считали пропаганду воссоединения эффективной стратегией, призванной подтолкнуть британскую колониальную администрацию либо к наделению Британского Камеруна еще большей автономией в рамках нигерийской федерации, либо же к полному его обособлению от Нигерии»¹³. Через несколько лет, однако, объединительный импульс начал ослабевать: с одной стороны, в 1955–1956 годах англоязычные южные камерун-

12 Камерунскую федерацию сконструировала небольшая группа политиков, каждый из которых был, несомненно, яркой личностью со своими достоинствами и недостатками. См. собранные под одной обложкой политические портреты этих людей – среди них упоминаемые в настоящей статье Эммануэль Эндели, Джон Нгу Фонча, Ахмаду Ахиджо, Соломон Танденг Муна и другие: AMADOU J.M. *The Architects of Cameroon's Reunification: A Historical Analysis*. Paris: L'Harmattan, 2020.

13 KONINGS P., NYAMNJOH F. *Op. cit.* P. 63.

цы добились для себя особого статуса в границах Нигерии, что несколько девальвировало в их глазах ценность унификации; с другой стороны, партия UPC, которая энтузиазма отнюдь не растеряла, но, напротив, становилась в своих требованиях все более радикальной и склонной к насилию, в 1955 году была запрещена французскими властями (а в 1957-м и британскими)¹⁴. Заметим, что на этом этапе ни одна из сторон о федеративном союзе еще не помышляла.

Предоставление автономии Южному Камеруну, учреждение там собственных властных институтов и появление институционализированной политической элиты закономерным образом обострили политическую борьбу в британских владениях. У самого Эндели, к тому времени ставшего южнокамерунским премьер-министром, уже не имелось стимулов подталкивать унификацию с франкофонными собратьями, но зато у его оппонентов из числа англоговорящих политиков такие стимулы были. Джон Нгу Фонча, в 1955-м покинувший «партию власти» из-за разногласий по поводу объединения и сформировавший собственную «Камерунскую национально-демократическую партию» (Kamerun National Democratic Party – KNDP), решил сделать унификацию своим программным лозунгом – «в первую очередь для того, чтобы поколебать новое положение, которое теперь занимал Эндели»¹⁵. Спекулируя на недовольстве местных жителей напористой экономической экспансией нигерийского бизнеса, этот школьный учитель развернул среди англофонов широкую кампанию за объединение двух сегментов Камеруна. При этом амальгама, о которой рассуждал этот политик, базировалась на принципе «почти нераздельно, но без полного слияния»: по его замыслу, составные части единого государства, складываясь в камерунскую политическую идентичность, должны были сохранить изрядную долю исходной самостоятельности. Как пишет Старк, «Фонча пришел к федерализму в ходе избирательной кампании 1959 года, увидев в нем способ заполнить брешь между идеей полной независимости и идеей полного слияния»¹⁶. Именно тогда он представил свой план камерунской федерации, состоящей из трех частей: английских Северного Камеруна, Южного Камеруна и французского Камеруна.

Федералистское брожение в тот период шло и на французской половине Камеруна. Именно тогда начала восходить звезда Ахмаду Ахиджо, которому в недалеком будущем почти на

14 О причинах, вызвавших радикализацию UPC, а также о конфликте партии с колониальными властями, вспыхнувшем весной 1955 года, см.: ATANGANA M. *The End of French Rule in Cameroon*. Lanham: University Press of America, 2010. Ch. 1. Среди прочего французские власти упрекали UPC в сотрудничестве с коммунистами.

15 Ibid.

16 STARK F.M. *Op. cit.* P. 425.

четверть века предстояло возглавить новую независимую республику¹⁷. Став в 1958 году премьер-министром пока остававшейся под опекой Парижа территории, этот консервативный мусульманин-фулани поначалу с настороженностью относился к планам унификации через федерализацию, которые продвигал его предшественник Андре-Мари Мбида, профессиональный политик и бывший член французской Национальной ассамблеи, прямолинейно предлагавший Франции федерализовать Камерун по типу британской Нигерии или Швейцарии¹⁸. В конце 1950-х идея горячо обсуждалась в местном сообществе, причем противников у нее было гораздо больше, чем сторонников. Так, автор одной из местных газет усматривал пороки выдвинутого плана не только в том, что он способен разжечь межэтнические противоречия, но и в том, что он «полностью противоречит французской политической традиции, к которой камерунцы приучались на протяжении четырех десятилетий»¹⁹. Другие критиковали Мбиду за то, что тот не настаивал на немедленной независимости для Камеруна, подчеркивая необходимость переходного периода, который был рассчитан на десять лет; соответственно, и внедрение федерализма рассматривалось такими критиками как одна из составляющих ненужной, по их мнению, проволоочки. Наконец, самые радикальные националисты жестко ассоциировали федеративный порядок с неокOLONIALИЗМОМ, видя в нем способ ослабить молодые нации. Эту точку зрения ярко выразил камерунский интеллектуал Бенжамен Матип, который в 1958 году назвал федерализм «довольно иллюзорным вариантом косвенного империализма»²⁰.

Разумеется, новые государственные деятели не могли не прислушиваться и к мнению уходящих колонизаторов, которые исходили из того, что «учитывая диспаритет между двумя частями Камеруна, объединение может создать большие неудобства»²¹. Тем не менее Ахиджо, который и сам не обольщался на этот счет, был готов разыграть федералистскую партию: во-первых, он понимал, что в противном случае ему не удастся

17 См.: *Ahidjo, Ahmadou (1924–1989)* // DELANCEY M.D., НЕН МВУН R., DELANCEY M.W. *Historical Dictionary of the Republic of Cameroon*. Lanham: The Scarecrow Press, 2010. P. 26–29.

18 Его точка зрения пользовалась в стране большим влиянием. «Тот факт, что Мбида стал первым камерунцем, который, не имея французского гражданства, добился [в 1956 году] избрания в Национальное собрание Франции, был очень важным, – пишет Мартин Атангана. – После этих выборов Мбида, будущий премьер-министр Камеруна, превратился в национального героя» (ATANGANA M. *Op. cit.* P. 28). Этот политик возглавлял камерунское правительство в 1957–1958 годах, в то время как Ахиджо был в его кабинете вице-премьером, отвечающим за внутреннюю политику. Позже, в 1960-е, режим Ахиджо отправил Мбиду на три года в тюрьму, обвинив его в антигосударственном заговоре. Подробнее см.: *Mbida, Andre-Marie (1917–1980)* // DELANCEY M.D., НЕН МВУН R., DELANCEY M.W. *Op. cit.* P. 241–242.

19 STARK F.M. *Op. cit.* P. 426.

20 *Камерунский писатель Бенжамен Матип о колониальном наследии Африки // История Африки в документах, 1870–2000. Т. 2: 1919–1960* / Под ред. С. МАЗОВА, А. ДАВИДСОНА. М.: Наука, 2007. С. 61.

21 TORRENT M. *Op. cit.* P. 17.

выполнить судьбоносную задачу – присвоить британское наследство, которое вот-вот должно было остаться бесхозным после ухода колонизаторов из Северного и Южного Камеруна, – а во-вторых, для него «не было риска, более великого, нежели переуступка популярной воссоединительной повестки радикалам из УРС»²². Его поддерживали французы, которые с помощью этого умеренного охранителя хотели вывести националистическое движение из-под влияния крайних националистов, базой которых был именно Юг. Париж надеялся, что руками Ахиджо зону французского влияния в Экваториальной Африке удастся расширить за счет британских неподпечных территорий²³. Молодой камерунский лидер оправдал ожидания: сначала он расколол и разгромил УРС, а потом фактически реализовал перехваченную им программу этой организации, подготовив поглощение англоязычных земель²⁴.

Но федерализация с экспансионистской подоплекой была неосуществима до тех пор, пока обе части Камеруна, и английская, и французская, оставались под опекой Организации Объединенных Наций, к которой после войны перешли бывшие подмандатные территории Лиги Наций. По этой причине Ахиджо предстояло разыграть многоходовую комбинацию: ему нужно было сначала выдать себя за истового федералиста, потом убедить своих англоязычных партнеров в том, что для них нет более выгодного варианта, нежели объединение двух частей Камеруна на федеративных основаниях, а затем понемногу свернуть интеграционный проект и перейти, подобно большинству освобождающихся от колониализма стран, к каноническому унитаризму. (Кстати, по своей внутренней логике этот проект был весьма похож на большевистские манипуляции с федеративной идеей: Владимир Ленин и его партия в годы гражданской войны сначала соблазнили национальные меньшинства федерализмом, после чего ввели федералистские мечтания в подобающие тоталитарному государству рамки²⁵.) Пьер Мессмер, в 1970-е несколько раз занимавший пост премьер-министра Франции, а в конце 1950-х служивший высокопоставленным французским администратором во Французской Экваториальной Африке, в своих мемуарах о деколонизации утверждает, что и он сам, и его сподвижники, работавшие с Ахиджо, с само-

22 Ibid. P. 21.

23 Подробнее о том, как Франция задумала и осуществила замену Мбиды на Ахиджо, сделав последнего главным выразителем своих интересов в Камеруне, см.: ATANGANA M. *Op. cit.* Ch. 3.

24 О консолидации власти, предпринятой Ахиджо в 1958–1962 годах, а также об особенностях выстроенного им режима подробнее см.: JOSEPH R. (Ed.). *Gaullist Africa: Cameroon under Ahmadu Ahidjo*. Enugu: Fourth Dimension Publishers, 1978. Авторы этой работы называют камерунскую политику «неоколониальной».

25 Подробнее об этом см. мою статью: ЗАХАРОВ А. «Советское значит отличное»: Российская Федерация как опыт подражания // Он же. «Спящий институт»: федерализм в современной России и в мире. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 16–37.

го начала не сомневались в фальшивом характере создаваемой им федерации. По их мнению, так называемая «федеральная» Конституция 1961 года лишь прикрывала аннексию Западного Камеруна (именно так Южный Камерун стал называться после воссоединения)²⁶. Спустя десять лет, преобразуя свою страну в унитарное государство, сам камерунский президент признавал, что федерация рассматривалась им как необходимая, но временная стадия национальной истории²⁷. Между тем, пока политики-франкофоны гневно отвергали подозрения в том, что им хочется, прикрываясь знаменем федерации, аннексировать англоязычных соседей, лидер Южного Камеруна Фонча просто-напросто обдумывал проект федеративного союза, состоящего из четырех субъектов: двух британских, Южного и Северного, и двух французских, образуемых разделом владений Парижа по оси «север – юг». Этому замыслу, однако, не суждено было воплотиться в жизнь из-за сбоя политических ритмов – иначе говоря, несинхронизированного продвижения различных частей Камеруна к независимости.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

Ахиджо нужно было сначала выдать себя за истового федералиста, потом убедить своих англоязычных партнеров в том, что для них нет более выгодного варианта, нежели объединение двух частей Камеруна на федеративных основаниях, а затем понемногу свернуть интеграционный проект и перейти к каноническому унитаризму.)

1 января 1960 года на карте мира появилась новорожденная Республика Камерун со столицей в Яунде. Это важное событие радикальным образом укрепляло позиции Ахмаду Ахиджо в продолжавшемся торге с англоговорящими партнерами, которым пока независимости не досталось. Интересно, что камерунскому лидеру вольно или невольно подыгрывал Совет по опеке ООН, который едва ли не в ультимативной форме предложил британским сегментам Камеруна до 1 марта будущего года провести всенародные плебисциты, нацеленные на выбор одного из двух альтернативных вариантов присоединения: либо к Нигерии, провозгласившей независимость в октябре 1960 года, либо к только что появившемуся на карте мира Камеруну. Причем важно подчеркнуть ключевую особенность сложившейся диспозиции: британским подопечным

26 MESSMER P. *Les Blancs s'en vont. Récits de décolonisation*. Paris: Albin Michel, 1998. P. 134–135.

27 TORRENT M. *Op. cit.* P. 62.

предлагалось выбирать слияние с одной из двух стран, которые уже стали независимыми – а это означало, что с самой первой минуты партнеры по диалогу, ведущемуся внутри будущих федераций, оказывались неравными в плане суверенности. Отсутствие третьей опции, которая, казалось бы, на фоне деколонизации напрашивалась сама собой, объяснялось довольно просто: в 1959 году, опираясь на выводы доклада, подготовленного британскими специалистами, Вестминстер официально уведомил ООН о том, что Южный Камерун не сможет функционировать как самостоятельное государство из-за своей экономической немощи. Англичанам не хотелось пополнять свое Содружество наций за счет миниатюрных и нежизнеспособных образований; соответственно, «идея о том, что независимость придаст Южному Камеруну большой вес в переговорах с соседями, вообще казалась Лондону нелепой»²⁸. В результате, по словам Старка, «ООН разрушила переговорные бастионы, которые воздвиг Фонча; его заставляли присоединиться к одной из двух независимых стран по выбору его избирателей, причем без возможности использовать в будущем угрозу выхода из непонравившегося союза»²⁹. Тем не менее возглавляемая этим политиком KNDP продолжила на английских землях агитацию за воссоединение с «родиной», а сам ее лидер, вопреки очевидностям по-прежнему излучавший оптимизм, в июле 1960 года заявил, что «объединенный Камерун можно будет превратить в настоящий африканский рай» – не больше и не меньше³⁰.

В ходе интенсивных встреч, предварявших провозглашение независимости французского Камеруна, англофоны и франкофоны продолжали отрабатывать правовые детали будущего слияния двух сообществ. Поскольку «весовые категории» партнеров были очевидно неравными, французская сторона смогла настоять на всех своих условиях, задававших очертания будущего федеративного альянса. Во-первых, федерации предстояло стать жестко централизованной; во-вторых, доминантным политическим актором в ней оказывался президент; в-третьих, она предусматривала мощные механизмы вмешательства центра в дела регионов. У англоговорящих элит не было ни малейшей возможности сопротивляться этому натиску: им, разумеется, хотелось бы пожить при независимости, хоть чуточку вкусив радости самоуправления, но ООН, вынуждавшая их незамедлительно выбрать постколониальное приращение на стороне, не оставила для них такой возможности.

28 Ibid. P. 26. Подробные аргументы, на основании которых международное сообщество в конце 1950-х отказало Британскому Камеруну в полноценной независимости, представлены в этой же работе (Ibid. P. 23–35).

29 СТАРК Ф.М. *Op. cit.* P. 427.

30 Цит. по: Ibid. P. 428.

Между тем плебисциты в Северном и Южном Камеруне, состоявшиеся 11–12 февраля 1961 года, дали разные результаты: если на юге восторжествовали поборники воссоединения с Яунде, то на севере победили сторонники ухода в Нигерию³¹. Такой исход еще больше ослабил позиции англоговорящих элит – тем более, что приближенные Ахиджо в один голос обрушились на Великобританию, обвиняя в неприятном исходе голосования именно ее. Министр иностранных дел Шарль Окала, выступая в апреле того же года на одной из площадок ООН, не без обиды и довольно образно назвал Соединенное Королевство «чудищем с латунным нутром и головой нераскаявшегося работягу». Ему вторил спикер парламента Даниэль Кемаю, по мнению которого, на фоне английских интриг, нацеленных на расчленение камерунской нации, недавние события в Венгрии, Корее и на Кубе выглядят второстепенными³². Для нотаблей бывшего Британского Камеруна, выбравших воссоединение, подобные филиппики были нехорошим сигналом – который они, впрочем, проигнорировали.

Обсуждение будущей федеративной Конституции только-только начиналось, а конституционная конференция в Фумбане (июль 1961 года), на которой все было решено, пока не состоялась, но в реальности диспозиция уже была предельно ясной: бывший Британский Камерун в силу какого-то странного отключения здравомыслия у его политиков соглашался на федерацию, которая еще до своего учреждения уже была обречена. Мадлен Торрент вполне точно говорит в этой связи о «поступательной маргинализации южнокамерунской компоненты в конструировании будущей федерации»³³. Что же касается франкофонных элит, то они, уместно повторить, изначально рассматривали новое устройство как сугубо временное. Согласно официальному дискурсу молодой республики, унитарная форма была, бесспорно, предпочтительнее, но с неизбежным злом федерализма приходилось мириться – ради максимально нежного поглощения оставляемых британцами камерунских территорий. Иначе говоря, у надежд на децентрализованный союз, питаемых англофонами, не было никаких шансов.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

31 История плебисцита 1961 года рассказывалась многократно; тем не менее уместно выделить одно из любопытных человеческих свидетельств – мемуары британского чиновника, на месте участвовавшего в организации голосования (и не симпатизировавшего унификации): PERCIVAL J. *1961 Cameroon Plebiscite: Choice or Betrayal*. Bamenda: Langaa Research & Publishing Common Initiative Group, 2008. Эта книга, изданная в бывшем Британском Камеруне, содержит также важные документы, посвященные воссоединению – в частности, памфлет 1961 года «Две альтернативы», детально описывавший конституционные последствия присоединения камерунских англофонов либо к Нигерии, либо к Камеруну (р. 113–125).

32 См.: TORRENT M. *Op. cit.* P. 54.

33 Ibid. P. 55.

В ЖЕЛЕЗНЫХ ОБЪЯТИЯХ «СТАРШЕГО БРАТА»

Как писал, оценивая изложенные события, один из включенных наблюдателей, воссоединение не было похоже на встречу двух блудных сыновей, жестоко разлученных сразу после рождения: его скорее следовало уподобить организованной чиновниками ООН договорной женитьбе двух людей, которые были едва знакомы³⁴. Учитывая расстановку фигур, линия дальнейшего развития событий не предполагала никаких неожиданностей. Президент Ахиджо сразу дал понять, кто в нарождающемся государстве будет заказывать музыку: согласно его видению, именно Республика Камерун, уже обладающая государственным суверенитетом, должна была внести в собственную Конституцию такие поправки, которые сделают возможным федеративный союз с англофонами. Исходя из той же логики парламент Южного Камеруна в Буза, в отличие от Национального собрания в Яунде, не допускался к процедуре одобрения новорожденной Конституции. Конечно, не обошлось и без уступок, пусть даже декоративных: так по настоянию англоговорящих партнеров Ахиджо согласился убрать из планируемого конституционного текста упоминания о «нерушимости» федеративного союза (бывшим британским подданным очень хотелось оставить дверь хотя бы полуоткрытой), но зато наотрез отказался от типичной для федеративных стран двухпалатной легислатуры, ссылаясь на ее дороговизну. Кроме того, он отверг принцип квотирования мест в будущем федеральном правительстве, позволявший Западному Камеруну рассчитывать на гарантированное представительство в верховном органе исполнительной власти. Впрочем, лично Фонча в порядке отступного получал приятный бонус в виде поста вице-президента объединенного Камеруна. (Спустя тридцать лет один из его критиков скажет, что в процессе переговоров, закладывая фундамент союза, этот вождь англофонов «был готов заглотить не только крючок, который ему бросали, но и леску с грузилом»³⁵.) Подытоживая все эти приготовления, Старк пишет: «Хотя формально рождение федерализма отмечалось с немалой помпой, как политическая система он был обречен умереть еще в колыбели»³⁶. Собственно, именно так и получилось.

Печальному исходу, вне всякого сомнения, способствовали федералистские, если можно так выразиться, положения обновленной камерунской Конституции³⁷. Перечень полномочий, ре-

34 Эту яркую аналогию предложил Нфор Сусунги: SUSUNGI N. N. *The Crisis of Unity and Democracy in Cameroon*. London, 1992.

35 Цит. по: TORRENT M. *Op. cit.* P. 58.

36 STARK F. M. *Op. cit.* P. 432.

37 Внутренние механизмы функционирования Федеративной Республики Камерун детально рассмотрены в работе: LE VINE V. T. *The Cameroon Federal Republic*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1971.

зервируемых за центральным правительством, был почти безбрежным. При этом, однако, Основной закон не устанавливал формулу распределения налоговых сборов между Западным и Восточным Камеруном: решение вопроса было перенесено на будущее, а англоговорящие территории вынуждены были, причем до самой кончины федерации, поддерживать свое существование за счет федеральных субвенций – оставаясь вечным просителем без гроша в кармане. Такое положение вещей резко контрастировало с аграрным и сырьевым потенциалом бывшего Британского Камеруна, нефтяные доходы которого тратились на стимулирование экономики других частей страны. Из-за этого гражданам-англофонам казалось, что их колонизируют повторно³⁸. Символически закрепляя это унижение, в декабре 1961 года президент Ахиджо своим декретом разделил территорию республики на шесть унифицированных административных регионов, одним из которых стал англоговорящий Западный Камерун – «равный среди равных» и несколько не автономный. Более того, власти республики учредили специальную институцию, называвшуюся Администрацией федеральных инспекторов и выступавшую одной из несущих опор новой системы: ее сотрудники базировались в каждом регионе, отчитывались непосредственно перед президентом и представляли федеральное правительство во взаимоотношениях с местными властями. Это были мощные фигуры: скажем, федеральный инспектор в Западном Камеруне по своему статусу в государственной иерархии был равновесен премьер-министру этого федерального образования. Не удивительно, что на протяжении всей десятилетней жизни причудливой камерунской федерации выборные чиновники-англофоны были вынуждены препираться с этими функционерами, которых, заметим, население не выбирало³⁹.

Как и следовало ожидать, в новорожденной федерации противостояние «английской» периферии и «французского» центра особенно драматичным оказалось в сфере языка, культуры и образования. В ходе предварительного федеративного торга вопрос сохранения лингвистической самобытности был для англофонов, вероятно, самым чувствительным, хотя здесь, как и в прочих сферах, им мало чего удалось добиться. Уже летом 1962 года федеральное правительство, к немалому опасению бывшего Британского Камеруна, было готово принять под свое крыло среднее образование. Несмотря на то, что по этой теме был выработан компромисс – в ходе расширения федеральной

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

38 См.: KONINGS P., NYAMNJOH F. *Op. cit.* P. 66.

39 Объемы настоящей работы не позволяют рассмотреть интригующие параллели между особенностями федеративного строительства в Камеруне в 1960-е и в России в 2000-е; этой теме придется подождать своего исследователя.

юрисдикции детям из английских школ было разрешено получать сертификат об образовании британского типа (*General Certificate of Secondary Education*)⁴⁰, – в практическом двуязычии успехи не впечатляли. Официально билингвизм стал одним из неотъемлемых атрибутов федерации с самого ее основания; эта политика поощряла процветание двух государственных (и при этом, повторюсь, европейских) языков в их местных вариациях – в качестве «камерунского английского» и «камерунского французского». Провозглашение такого курса, однако, требовало принятия конкретных мер, совершенствующих устное и письменное использование языка, уточнение стилистических конвенций и норм правописания, что, собственно, и делает любой язык развивающейся системой. Но если в отношении франкофонного Камеруна подобная работа действительно начала проводиться, причем еще в 1960-е, вылившись в масштабный проект под названием «*Inventaire des particularités lexicales du français du Cameroun*», то по поводу камерунского английского, как отмечают местные специалисты, «ничего столь же масштабного не предпринималось, несмотря на точечные инициативы, реализуемые то там то здесь»⁴¹. И хотя сегодня официальному курсу на билингвизм исполнилось уже шесть десятилетий, осведомленность камерунских англофонов во французском по-прежнему превосходит знакомство их франкофонных собратьев с английским; и это вполне объяснимо, поскольку без французского в стране живет явно неуютно, а без английского – более, чем сносно. Да и может ли быть иначе, если, например, к концу 2000-х камерунская печатная периодика на 90% состояла из франкоязычных изданий, а в радиопередачах и телетрансляциях соотношение в пользу франкофонов составляло 65 к 35?⁴²

Характерной чертой федеративного торга в Камеруне 1960-х стало поистине иезуитское изящество, с каким федеральный центр манипулировал своими англоязычными партнерами. Президентская администрация постоянно сталкивала представителей англоязычной элиты между собой, не позволяя им консолидировать свои переговорные позиции и выступать единым фронтом: ведя диалог с Ахиджо и Восточным Камеруном, Западный Камерун никогда не говорил одним голосом. Во-первых, в начальные федеративные годы в англоязычном Камеруне продолжалась полемика между «автономистами» из партии Эммануэля Эндели, отстраненного от власти в 1958 году и с тех пор пребывавшего в оппозиции, и «федералистами» из

40 Подробнее см.: *General Certificate of Education (GCE)* // DELANCEY M.D., NEH MBUN R., DELANCEY M.W. *Op. cit.* P. 190.

41 VILOA E., ECHU G. *Op. cit.* P. 204.

42 *Ibid.* P. 199.

партии Джона Фончи, возглавлявшего региональное правительство. Во-вторых, внутри правящей KNDP разгорался внутренний конфликт, в котором столкнулись сам Джон Фонча и его бывший сподвижник Соломон Танденг Муна. Причем, воюя друг с другом, каждый из «тяжеловесов»-англофонов заискивал перед главой государства. (В итоге, отметим, вознаграждены были оба: если Фонча был благословлен руководить Западным Камеруном в 1961–1965 годах, то Муна получил назначение на ту же работу в 1968–1972-м.) Ахиджо же сполна пользовался этими склоками, публично указывая, что внутренняя борьба является неприглядной – и растрчивает силы молодой нации; взамен уже в 1961 году он предложил учредить единую (и единственную) общенациональную политическую партию под собственным началом. Сводя внутренние счеты, англоговорящие нотабли иногда переигрывали друг друга тактически. Так, в 1962 году Эндели, оказавшийся не у дел, предложил своей партии коллективно вступить в «Камерунский союз» (Union Camerounaise) Ахиджо; он не без оснований полагал, что такой трюк позволил бы его сторонникам отвоевать у конкурентов ключевые посты в Западном Камеруне. Эту инициативу, однако, пресек Фонча, который сделал ровно то же самое – и «большой брат» предпочел именно его, поскольку возглавляемая им KNDP на тот момент была правящей в англоязычной части страны. Именно из этого альянса в середине 1960-х на свет появился «Камерунский национальный союз» (Cameroon National Union) – типичная доминантная партия, которой вскоре предстояло покончить с многопартийностью в стране. За подобное рвение Фонча в 1965 году был вознагражден постом вице-президента всей республики. К сожалению, в этом тексте нет никакой возможности отразить все перипетии отчаянных сражений, которые в 1960-е вели англоговорящие политики и их стремительно размножающиеся партии, истребляя друг друга. Но кое-что, однако, очевидно даже без досконального погружения: пылкое состязание за любовь «гаранта Конституции» не могло обойтись без жертв – и всего за несколько лет Западный (он же Южный) Камерун стратегически проиграл все, что было можно, а федеративные принципы, официально принятые молодой республикой, превратились в откровенную фикцию⁴³. Завершающая пятилетка 1960-х стала временем агонии камерунского федерализма.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

43 Подробнее об этих внутриэлитных «играх» см. в статье: FEGUE C. *The Games Elites Play: Notes towards an Elite-Focused Understanding of the Failure of the Federal Republic of Cameroon (1961–1972)* // KAVALSKI E., ZOŁKOS M. (Eds.). *Defunct Federalisms: Critical Perspectives of Federal Failure*. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 59–70.

ОЖИДАЕМАЯ И ТИХАЯ СМЕРТЬ

Разумеется, существенный вклад в преждевременную кончину камерунского федерализма внес переход страны к однопартийной системе, произведенный Ахиджо в рамках консолидации своей персональной власти. Следуя лукавой логике, согласно которой единая родина требует единой партии (*parti unifié*), творцы камерунской государственности, уподобляясь многим другим лидерам «встающей с колен» Африки, с середины 1960-х взяли курс на слияние всех существовавших в стране политических партий в единый конгломерат под началом «Камерунского национального союза». Как не раз отмечалось в литературе, подобная партийная система не поощряет ни духа, ни буквы федеративного устройства, поскольку блокирует самовыражение территориальных и национальных меньшинств, пользующихся в любой федерации законной автономией⁴⁴. Реформа, однако, вполне вписывалась в укрепление авторитарного режима, которым с первых лет независимости усердно занимался камерунский «национальный лидер». Осенью 1969 года президент заставил парламент одобрить важные конституционные поправки, еще более укреплявшие его единоличную власть и еще глубже разрушавшие федеративную систему. Отныне он получал возможность не только править посредством декретов, подменяющих одобренные легислатурой законы, но и лично назначать премьер-министров камерунских регионов. Иными словами, под вывеской федерации все увереннее мужало унитарное государство⁴⁵. Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что после того, как в стране утвердилась единственная правящая партия, а всякая политическая борьба прекратилась, эта мера была лишь формальностью: во всех региональных легислатурах большинство и без того принадлежало одной и той же силе. Следствием унификации стала важная вещь – различие между официальными элитами, англоговорящей и франкофонной, оказалось едва ли не до основания размытым. Как пишет Старк, «если во время объединения страны все влиятельные политики Западного Камеруна жили и работали в региональной столице Буэа, сторонясь федеральных постов, то к 1969 году все они либо трудились в федеральных учреждениях, либо совсем покинули публичное пространство»⁴⁶. Камерунский федерализм медленно и неумолимо умирал.

44 Об этом см., например, мою статью: Захаров А. *Избирательная система и дух федерализма* // Он же. *Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме*. М.: Московская школа политических исследований, 2008. С. 64–84.

45 Функционирование однопартийного государства, выстроенного Ахиджо, подробно описано в работе: TANKOUANG J., KRIEGER M. *African State and Society in the 1990s: Cameroon's Political Crossroads*. Boulder: Westview Press, 1998. Ch. 2 («Ahidjo and the Single-Party State, 1958–1982»). P. 35–62.

46 STARK F. M. *Op. cit.* P. 438.

Унификация, описанная выше, не могла не отражаться на культурной сфере. Понятно, что народу, у которого *одна* родина, *один* национальный лидер, *одна* партия, едва ли потребуются *два* государственных языка. Поэтому не приходится удивляться тому, что стремительно централизующийся Камерун методично выдавливал из своих социальных практик билингвизм, поощрение которого выступало в свое время одним из условий объединения. Точнее говоря, двуязычие по-прежнему применялось, но локально – только в Западном Камеруне. С 1967 года весьма символическим образом был прекращен выпуск двуязычного журнала «Revue Cameroonnaise de Pédagogie». Власти время от времени продолжали по инерции рассуждать о билингвизме высшего образования, но на деле национальный университет в Яунде как был, так и остался франкофонной институцией: достаточно сказать, что студенты, говорящие по-английски, вынуждены были учиться здесь на два года дольше, чем их франкофонные товарищи⁴⁷.

На пресс-конференции 1969 года, сопровождавшей съезд правящей партии, Ахиджо был задан прямой вопрос о перспективах камерунского федерализма. Вождь нации уклонился от ответа, ограничившись констатацией, что в Камеруне функционирует «жестко централизованная федеративная система». Между тем закономерный финал был уже не за горами. 7 мая 1972 года в ходе заседания политического бюро «Камерунского национального союза» президент объявил, что федерация прекращает существование. На следующий день, выступая в Национальной ассамблее в присутствии специально приглашенных представителей дипломатического корпуса, Ахиджо огласил план проведения конституционного референдума, посвященного этому вопросу, а 9 мая был обнародован проект новой, унитарной Конституции – причем вынести его на голосование предлагалось в кратчайшие сроки, всего через десять(!) дней. Неимоверная стремительность, с которой развивались события, свидетельствовала о том, что операция по изменению конституционного устройства Камеруна готовилась давно и тщательно. У потенциальных противников реформы, если таковые вообще к тому моменту оставались, не было ни малейшего шанса оказать сопротивление. 20 мая народное волеизъявление состоялось; к урнам явились 99% зарегистрированных избирателей, из которых 99% высказались за упразднение федерации. Камерунский федерализм умер гораздо ярче, чем жил, и буквально никто не выразил сожаления о его окончании. Отныне выборные органы исполнительной власти в Западном Камеруне – как и во всей стране в целом – превращались

47 ИДЕМ. Р. 439.

в невыборные: губернаторы, префекты и субпрефекты назначались президентскими декретами. А день проведения судьбоносного референдума стал национальным праздником – днем «славной революции 20 мая». То был необычайный и сокрушительный, на зависть многим другим «национальным лидерам» (причем не только африканским), триумф «вертикали власти».

{ Камерунский федерализм умер гораздо ярче, чем жил, и буквально никто не выразил сожаления о его кончине.

Предвидя неизбежную в скором времени фрустрацию англофонов, камерунское правительство решило в порядке превентивной меры разделить бывшие британские территории на две провинции – Юго-Западную и Северо-Западную. Делая это, республиканские власти вбивали очередной клин в единство местных элит, а также сталкивали между собой различные группы населения, традиционно конкурировавшие. Как нередко случалось в Африке, жители прибрежных земель Британского Камеруна не всегда ладили с людьми, осевшими во внутренних районах, поскольку их методы землепользования заметно отличались друг от друга. Центр беззастенчиво спекулировал на этой проблеме, используя хозяйственные конфликты между бывшими британскими подданными для собственной выгоды. В тех ситуациях, где тактика целенаправленного разобщения «групп риска» давала сбои, в ход пускались запугивание и репрессии. В итоге англоязычный Камерун молчал довольно долго, более десятилетия – вплоть до того момента, пока в ноябре 1982 года Ахмаду Ахиджо не ушел в отставку «по состоянию здоровья». Сменивший его бывший премьер-министр Поль Бийя также не жаловал федеративное прошлое, что выразилось, в частности, в затеянном им в 1984 году переименовании Объединенной Республики Камерун в просто Республику Камерун. Эта акция, однако, послужила поводом для того, чтобы задавленные и запуганные англоговорящие общественники начали позволять себе некоторые вольности – их довольно громкий протест оказался для властей неожиданностью. Проблема заключалась в том, что «новое название не только совпадало с тем, какое независимый франкофонный Камерун носил до объединения, но и очевидно игнорировало тот факт, что камерунское государство состоит из двух обособленных сущностей»⁴⁸. И если часть англофонов видела в этой акции очередной шаг к полной ассимиляции одного из

48 KONINGS P., NYAMNJOH F. *Op. cit.* P. 67.

сообществ, некогда учредивших постколониальный Камерун, то другие в своих интерпретациях шли еще дальше: они заявляли, что, совершив подобные действия, *Le République du Cameroun* односторонне разорвала федеративный контракт и, следовательно, утратила всякое право управлять бывшим Южным (ныне Западным) Камеруном.

Именно таким был контекст, в котором юридическое сообщество Буза выступило с предложением обратиться в ООН с просьбой помочь бывшей подопечной территории мирно «развестись» с франкофонной *Le République*. Тогда же, а именно в середине 1980-х, впервые был выдвинут лозунг о преобразовании Южного Камеруна в независимое государство и переименовании его в Республику Амбазония⁴⁹. Таким образом, «славная революция 20 мая 1972 года», некогда покончившая с камерунским федерализмом, довольно скоро начала оборачиваться вполне закономерными – и, безусловно, неприятными для Яунде – издержками.

АНГЛОФОНЫ ПРИХОДЯТ В ДВИЖЕНИЕ

Введенная Ахиджо однопартийная система дала первые трещины с очередной волной демократизации, поднимавшейся в мире со второй половины 1980-х. Как и следовало ожидать, появление в стране первых оппозиционных организаций было напрямую связано с недовольством англоязычных камерунцев своим второсортным статусом. В 1990 году возникла партия «Социал-демократический фронт» (*Social Democratic Front*), выросшая из исследовательского центра, который занимался проблемами маргинализации англоговорящих камерунцев. Официальный переход республики к многопартийной системе, провозглашенный властями в декабре того же года, способствовал ее популярности, превратив в главную оппозиционную организацию страны⁵⁰. Джон Фру Нди, лидер «Социал-демократического фронта», смог выставить свою кандидатуру на президентских выборах 1992 года, и, хотя он ожидаемо проиграл Полю Бийя, сам факт участия англоговорящего политика в борьбе за высший государственный пост способствовал общественной мобилизации бывшего Британского Камеруна. Несмотря на то, что среди англофонов уже тогда имелись сторонники безоговорочной сецессии, в тот момент большинство активистов все же склонялись к восстановлению федеративного государства. По-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

49 Название происходит от залива Амбас, расположенного к югу от горы Камерун. Именно на его берегах в середине XIX века появилась первая камерунская колония Великобритании.

50 См.: *Social Democratic Front (SDF)* // DELANCEY M.D., NEN MBUN R., DELANCEY M.W. *Op. cit.* P. 343–345; *Fru Ndi, John (1941–)* // *Ibid.* P. 184–185.

следовательным выразителем этой позиции было «Камерунское англоязычное движение» (Cameroon Anglophone Movement) – зонтичная структура, вобравшая в себя несколько групп гражданского общества Западного Камеруна. Организация приняла самое активное участие в подготовке и проведении в столице Юго-Западного региона Первой Англоязычной конференции 1993 года, собравшей около пяти тысяч делегатов и принявшей «Декларацию Буза» – документ, сводивший воедино все факторы недовольства граждан Камеруна, говорящих по-английски, и требовавший возвращения к федеративной форме правления. Подготовленный по решению этого форума проект новой, федеральной, Конституции был представлен правительству Бийя; в ответ же, как и следовало ожидать, президент в нескольких публичных выступлениях повторил мысль о том, что для такой страны, как Камерун, федерализм не подходит.

Упорный отказ властей от обсуждения поднимаемых англофонами тем стимулировал их дальнейшую радикализацию. Вторая Англоязычная конференция, прошедшая, в отличие от первой, в столице Северо-Западного региона, одобрила «Бамендскую декларацию», в которой подчеркивалось стремление ее участников «восстановить суверенитет и независимость англоязычных территорий»⁵¹. Для решения этой задачи был учрежден координационный орган в лице «Национального Совета Южного Камеруна» (Southern Cameroons National Council – SCNC)⁵². Согласно пояснению, сделанному организацией в 1994 году, использование ею для обозначения англоговорящих земель устаревшего географического названия «Южный Камерун» следовало воспринимать как осмысленное и нарочитое:

«Тем самым мы даем понять, что наша борьба не ограничивается языковыми вопросами и не защищает архаичную колониальную культуру, [...] но нацелена на восстановление автономии бывшего Южного Камеруна, который был аннексирован *Le République du Cameroun*»⁵³.

По мере того, как глухота правительства все ощутимее толкала SCNC на путь сепаратизма, организация не уставала подчеркивать свою приверженность мирному варианту обособления; более того, уповая «на силу аргумента, а не на аргумент силы», она развернула международную кампанию в поддержку своих требований. Одной из первых громких акций, получивших международный резонанс, стало направление в мае 1995 года де-

51 Подробнее см.: KONINGS P., NYAMNJOH F. *Op. cit.* P. 71.

52 См.: *Southern Cameroons National Council (SCNC)* // DELANCEY M.D., NEN MBUN R., DELANCEY M.W. *Op. cit.* P. 350–352.

53 Пресс-релиз SCNC, опубликованный в газете «Cameroon Post» (номер от 16-23 августа 1994 года), цит. по: KONINGS P., NYAMNJOH F. *Op. cit.* P. 71.

легации видных южнокамерунских деятелей, в состав которой входили бывшие архитекторы воссоединения Джон Нгу Фонча и Соломон Танденг Муна, в Нью-Йорк. Им предписывалось передать в ООН петицию против «аннексии Южного Камеруна». Публичная позиция посланцев SCNC сводилась к тому, что после «одностороннего выхода» властей Яунде из союза вопрос о будущем Южного Камеруна перестал быть внутренним делом *Le République du Cameroun*: поскольку прежние конституционные связи оказались разорванными, бывшие британские владения вернулись к своему прежнему правовому статусу – то есть вновь превратились в неподпечную территорию Объединенных Наций. Именно в таком качестве, по мысли инициаторов акции, им нужно было предоставить полную независимость в соответствии со статьей 76 Устава ООН. Однако, несмотря на то, что в международном сообществе еще были свежи воспоминания о кровопролитной войне 1967–1970 годов, спровоцированной попыткой Биафры отделиться от Нигерии, ООН не решилась поддержать курс SCNC на ненасильственное отделение. Завершая официальный визит в Камерун весной 2000 года, ее генеральный секретарь Кофи Аннан заявил:

«Я уезжаю с ощущением, что есть только один Камерун, многоязычный и мультиэтничный. В каждой стране есть свои проблемы маргинализации. Но решать их надо, открывая диалог, а не хлопая дверью»⁵⁴.

В других международных инстанциях, включая Африканский союз и британское Содружество наций, сепаратистам-англофонам снова и снова давали понять, что продвигаемая ими идея пересмотра постколониальных границ не найдет понимания. Большую или меньшую чуткость к жалобам англоязычных граждан проявляли только правозащитники, но для радикального решения проблемы их авторитета было недостаточно. Кроме того, помимо властей Яунде, противодействующих англофонам внутри страны, у их дела были и влиятельные внешние недоброжелатели. В частности, Париж считал, что подъем англоязычного сепаратизма угрожает французским интересам в Камеруне, в том числе и в таких ключевых областях, как нефтедобыча. Наконец, что касается бывшей метрополии, то Лондон по своему обыкновению деликатно отстранялся от причастности к проблеме, им же когда-то и порожденной.

Параллельно с попытками заручиться международной поддержкой лидеры англофонов занимались мобилизацией сограждан, стремясь превратить свое движение из верхушечного

54 Цит. по: Ibid. P. 74.

в массовое. Целенаправленной атаке в этой связи подвергались мифы и символы объединенного государства. С 1990-х политические объединения англоговорящих камерунцев демонстративно отказались отмечать 20 мая в качестве национального праздника: по их словам, переход к унитарному государству, состоявшийся в 1972 году, можно вспоминать лишь в качестве дня траура или скорби. После того, как в 1995 году делегация SCNC привезла из Нью-Йорка огромный флаг ООН, он демонстрировался местной публике с очевидным намеком на то, что Объединенные Нации по-прежнему считают Южный Камерун неподопечной территорией – и, следовательно, предоставление независимости всего лишь вопрос времени. Однако, как отмечают исследователи камерунской политики, со второй половины 1990-х сопротивление англофонов пошло на спад⁵⁵. Главнейшую роль в этом сыграли все более жестокие репрессии со стороны властей. Но подавив умеренное крыло «автономистов» и «федералистов», правительство само способствовало подъему их радикального крыла.

Оформившаяся в 1990-е в рамках SCNC новая организация «Лига молодежи Южного Камеруна» (The Southern Cameroons Youth League) провозгласила насилие единственным способом разрешения внутригосударственного кризиса. Но предпринятая ею в конце марта 1997 года попытка вооруженного восстания в Северо-Западном регионе, подавленная администрацией Поля Бийя с беспрецедентной жестокостью, надолго парализовала сторонников сецессии. На этом фоне осуществленный SCNC 30 декабря 1999 года громкий захват филиала Камерунской телерадиокомпании в Буэа, сопровождавшийся провозглашением в прямом эфире независимости Федеративной Республики Южного Камеруна, можно было считать скорее жестом отчаяния, а не триумфа. Действительно, камерунскому правительству практически на пятнадцать лет удалось нейтрализовать политическое движение англоговорящих камерунцев. Используемый для этого арсенал был вполне типичным: власти поощряли распри в рядах недовольных, кооптировали в свои структуры умеренных региональных лидеров, использовали в отношении радикалов сокрушительные репрессии. Тем не менее франкофонным элитам – и стране в целом – все-таки пришлось расплачиваться за безответственный отказ от федерализма, состоявшийся несколько десятилетий назад. Дело в том, что с 2017 года территории, на которых проживают англоговорящие граждане Камеруна, охвачены масштабной смутой, не утихающей уже несколько лет и напоминающей самую настоящую гражданскую войну.

* * *

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

Для изучения того явления, которое получило название «англоязычного кризиса»⁵⁶, требуется отдельное исследование, и поэтому здесь оно будет упомянуто лишь вскользь. Тем не менее, даже не вдаваясь в детали, можно констатировать, что Республика Камерун за шесть десятилетий своего существования на карте мира воплотила весьма ожидаемую и едва ли не гегелевскую триаду: от благоразумного принятия в 1961 году довольно жесткого варианта федерализма, обеспечившего тем не менее национальное единство и сплочение, она в 1972-м бездумно перешла к крайнему унитаризму, а теперь, со второй половины 2010-х, пожинает плоды этой ошибки, воюя с повстанцами-сепаратистами. Важно подчеркнуть, что если в прежние времена заметный пласт англоговорящих элит был вполне удовлетворен федеративной схемой раздела власти, то теперь, несмотря на сохранение некоторых симпатий к федерализму, многие англофоны готовы довольствоваться только сецессией. Конечно, федерация – это дорогое удовольствие; но попытки отказаться от нее там, где она объективно нужна, неизменно приходится оплачивать вдвойне. И Камерун здесь выступает всего лишь подтверждением универсального правила.

56 Детальный анализ предпосылок его вызревания и первых этапов см. в работах: ДЕНИСОВА Т.С., КОСТЕЛЯНЕЦ С.В. *Сепаратизм в Южном Камеруне: истоки и перспективы* // *Контуры глобальных трансформаций*. 2021. Т. 14. № 1. С. 194–213; КАМЁ В.Р. *Op. cit.* См. также недавний и подробный обзор эволюции государства и общества в Камеруне в десятилетие, предшествовавшее «англоязычному кризису»: PIGEAUD F. *A Decade of Cameroon: Politics, Economy and Society 2008–2017*. Leiden; Boston: Brill, 2019.

